

A man and a woman are posed against a dark, moody background with a red wall. The woman, on the left, has long brown hair and is wearing a white long-sleeved blouse. She is looking over her shoulder towards the camera. The man, on the right, has short dark hair and a beard, wearing a brown turtleneck and a dark blue blazer. He is looking directly at the camera with a serious expression. The overall lighting is dramatic, highlighting their faces and clothing.

Скандалная
СВЯЗЬ

СЛАВА ДОРОНИНА

Слава Доронина

Скандальная связь

Серия «Однолюбы», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68787129
2023

Аннотация

– Как ты посмела! – Отец ударяет кулаком по столу. – Наше имя полощут во всех желтых газетах! Думаешь, Ибрагимов после такого возьмет тебя замуж? Условие было – невеста невинна, а ты во всех ракурсах с каким-то татуированным... – Папа кривит губы, словно не может подобрать достаточно мерзкое слово для Эрика. – Позор!

– Прости... – выдаю глухое раскаяние. – Я ничего не помню...
– Я в куче долгов, Регина! Ибрагимов был моим единственным шансом, – грозно продолжает отец. – Сегодня же дадим опровержение в прессу, собирайся к врачу.

– Что? – Я шокирована. – Зачем?

– Исправлять ошибки, которые ты натворила! Свадьба все равно состоится!

ОДНОТОМНИК.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

1 глава	4
2 глава	12
3 глава	20
4 глава	29
5 глава	40
6 глава	49
7 глава	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Слава Доронина

Скандальная связь

1 глава

– Регина, ты идёшь? – нетерпеливо спрашивает Жанна и трогает меня за плечо. – Что ты там читаешь? Ого, провокационно! Как соблазнить парня на первом свидании? Так я тебе расскажу, зачем гуглить? Обычно всё наоборот происходит, – озорно подмигивает и расплывается в улыбке.

Я затемняю экран и прячу телефон в карман.

– Придется вычеркнуть тебя из своего списка толковых людей, – шепчу себе под нос, но Жанна слышит и театрально закатывает глаза.

Выхожу из машины на улицу и разглядываю собравшихся. Ищу глазами Даню. Мне совсем не нравится его затея с возобновлением заездов и дальнейшим посещением клуба. Лучше бы на работе осталась, как и собиралась изначально, но уже приехала.

– Я поставлю на Аверьянова. Его ещё никто не обгонял. А ты?

– Тоже на Даню, – киваю я.

Обвожу глазами автомобили, замечая два красных «Феррари» и черный «Порше». У нас новенькие в заезде? Аве-

рьянов стоит рядом с черным спорткаром и о чём-то увлеченно разговаривает с темноволосым мужчиной, затем они пожимают друг другу руки и расходятся.

– Ну что, оторвались от погони? – осведомляется Даня, приблизившись к нам с Жанной. – Дядька не пустил по твоим следам Клыка? А то отец пригрозил голову мне отвинтить, если узнает, что я опять гонками промышляю.

– Нет. Папа думает, что я на работе в ночную. Девчонки, если что, прикроют, а Петя дома спит.

Пётр Клыков – водитель отца и по совместительству мой надзиратель, когда папа уезжает из города.

– Отлично, – кивает Даня. – Ну что, погнали? У нас, кстати, новенький в заезде, заметили? Заядлый адреналинщик, но сейчас с травмированной спиной. Пацаны показали сегодня с ним пару видосов. Впечатляет. Может обогнать. На меня не ставьте.

– На черном порше? – уточняю я.

– Ага. Давай, Лёвич, прыгай в мой тонированный жигуленок, а ты, Жан, с Артёмом. После в клуб заглянем, там потрещим.

Наши с Даней отцы – родные братья, ведут общий бизнес. Мы с детства с ним не разлей вода. С Жанной вместе со школы, а Тёмыча Никита привел три года назад. Сам Ник разбился в прошлом году на трассе. Помогал отцу перегонять машины из-за границы. Заснул за рулём. Эта новость нас всех подкосила. И особенно меня, потому что я была влюб-

лена в Черкалина.

– Думаешь, правда выиграет? – спрашиваю у Дани, забираясь на переднее сиденье и защелкивая ремень безопасности.

– А чёрт его знает. Моя старушка топ, но и у мужика из титана не хуже.

– Из титана?

– В позвоночнике, в плече, в обеих руках у него титановые штыри и пластины, – поясняет Даня. – Полгода назад Багдасаров со скалы сорвался. Чудо, что вообще остался жив и ходит.

– Везунчик. Может, там и магнит вместо сердца? Как у железного человека.

– Может, – смеется Даня. – У него, кстати, сегодня день рождения.

– Супер. Пусть этот день запомнится ему поражением.

– Злая ты, Лёвич. Батя настроение поднял? Мой на днях приглашение на вашу свадьбу с Ибрагимовым показал. Со всем с катушек слетел, да?

Меня передергивает от этой фамилии и упоминания партнера отца. Иман в целом неплохой человек, симпатичный мужчина, богат, умен. Но я не хочу выходить замуж по каким-то договоренностям, основываясь только лишь на выгодном сотрудничестве. Ведь я не инвестиция отца, а живой человек. К тому же на дворе двадцать первый век. У меня другое на уме, явно не замужество и семейный очаг с нелю-

бимым мужчиной.

– Совсем, – коротко отвечаю, не желая вдаваться в подробности.

– А Ибрагимов?

– А что Ибрагимов? Я ему понравилась. Смотрит горящими глазами и чуть ли не раздевает взглядом. У него жена умерла, он жаждет молодой крови. В прямом смысле этого слова. Прости за подробности, но этот долбанутый даже в брачном контракте прописал пункт о моей невинности, когда отец сказал ему, что я всё еще девочка, представляешь?

– Бл*дь. Средневековые какое-то. Мне еще ни разу не приходилось сталкиваться с подобной дичью. Может, тебе помочь с этим? – Даня кивает на мои ноги, обтянутые чулками.

– Чтобы отец потом с тебя три шкуры спустил? Я так-то дорожу тобой, если ты не заметил. Хотя порой ты невыносим. Представляю, какой резонанс получит эта новость в наших кругах.

– Обойдемся без подобных вбросов в СМИ. У меня на днях самолет в Германию. Не будем срывать мне планы. В клубе тогда себе кого-нибудь присмотри, чтобы не допустить священных уз с нелюбимым.

– Так себе перспектива – переспать с первым встречным и тоже нелюбимым. А потом еще и подставить человека. Гнев отца будет сродни землетрясению, если я разрушу его планы насчет Ибрагимова.

– На войне все средства хороши, Лёвич. Дети не должны

расплачиваться за ошибки родителей. Если бы Геза была жива, никакого брака с Ибрагимовым она бы не допустила.

Я поджимаю губы и отворачиваюсь. Геза – моя мать. Дед был евреем. Он ласково называл дочь этим именем, потому что не выговаривал «Геля». Ангелина так и вовсе была для него непосильной задачей. Позже он усовершенствовал свой русский, но к маме уже намертво приросло это странное имя, и все в семье звали ее исключительно Гезой.

– Ладно, я зря про нее сейчас вспомнил, – протяжно вздыхает Аверьянов, заметив, как я поникла.

Подъехав к линии старта, поворачиваю голову в сторону порше. Рассматриваю профиль именинника. Вблизи мужчина так же симпатичен, как и издалека. Неужели и впрямь в его теле куча железок? Нужно будет глянуть видео его эпичного падения со скалы.

– А если проиграешь? – спрашиваю я.

– Месяц придется пахать за троих. Как ты знаешь, у нас в семье сейчас тоже напряженка с деньгами.

– А если отказаться?

– По мне, лучше достойный проигрыш, чем позорное бегство.

И то верно.

– А Тёмыч с кем в заезде?

– С Лаврушинскими. Феррари – их новые тачки. Так что у обоих шансы пятьдесят на пятьдесят.

Опять поворачиваю голову и встречаюсь глазами с тита-

новым везунчиком. Он серьёзен, лицо непроницаемо. Задерживаю взгляд на пухлых губах, которые слегка расплываются в улыбке, когда он замечает, что я его рассматриваю. Мужчина подмигивает и тут же срывается с места, секунда в секунду вместе с нашей машиной.

– Могла бы сиськи ему показать, – усмехается Даня. – Он бы опешил, а у нас бы было преимущество в несколько секунд.

К финишу мы приходим одновременно, выигрыш участники делят пополам. Я остаюсь в машине, пока темноволосый и Даня стоят на улице и о чём-то долго разговаривают. Следующие два заезда – Тёмыча. Лаврушинские проигрывают с большой разницей. Вчетвером, в отличном настроении и с деньгами, мы отправляемся в клуб отмечать победу и, возможно, последние дни моей свободы.

– Так, девчат, не обижаться, мы на танцпол. Мне блондиночка одна приглянулась. Лёвич, как домой завалишься, скинь СМС, – просит Даня, и они с Артёмом оставляют нас одних.

Мы с Жанной заказываем еще по коктейлю.

– А я бы с радостью вышла за Ибрагимова вместо тебя, жаль никто не предлагал такую выгодную сделку. Внешне Иман в моем вкусе. Пусть ему прилично за сорок, но зато остепенившийся мужчина. Самый сок. Да еще и нерусских кровей. Говорят, у них темперамент ого-го до самой старости!

– Хочешь, предложу ему твою кандидатуру, когда увижусь в следующий раз? Я стану старшей женой, а ты любимой. Он будет приходить к тебе каждую ночь, и ты нарожаешь ему кучу детишек.

Жанна смешно корчит лицо. Но мне ни капли не весело. Мне двадцать, а отец хочет выдать замуж за старика.

– Плевать я хотела на статус Имана, его мудрость, возможности и темперамент. Я учиться хочу, глупости совершать и жить в свое удовольствие, а не сидеть в золотой клетке. Почему я должна решать проблемы отца, ломая себя и свою жизнь?

– Ух, какая эгоистка выросла, – иронизирует Жанна. – Глупости совершать? Понимаю. Я несколько раз это делала, и мне понравилось. В первый раз чуть-чуть больно, а потом очень даже приятно.

– С Тёмычем?

– Нет, мы с ним просто друзья. Пусть всё так и остается. Смотри, как тебе вон тот губастенький для осуществления плана? – кивает Жанна в сторону бара. – Располагает к себе, правда? Мне кажется, он будет нежен с тобой.

Поворачиваю голову и ловлю на себе взгляд незнакомца, сидящего у барной стойки. Хотя нет. Не незнакомца. Везунчик из титана тоже здесь. Празднует день рождения в кругу друзей? Симпатичный. Жаль, что старше меня лет на десять. Вряд ли меньше.

– У него на лбу не написано, что он будет нежен. К тому же

мне нравятся мальчики помоложе. Этот не в моем вкусе.

– А у тебя не написано на лбу, что ты девственница и без пяти минут жена Ибрагимова.

– Я не планирую никому рассказывать об этой печальной истории. Собственно, как и показывать свою медицинскую справку. Кстати, это тот гонщик с заезда, на черном порше.

Жанна невозмутимо пожимает плечами, встает с дивана и тянет меня за собой.

– Вот и отлично, Рина! Идем. Он – то, что нужно. Подкинь ему острых ощущений.

Я досадливо хмыкаю и встаю с дивана следом за подругой, толком не успев даже подумать о том, что делаю. Немного потряхивает от волнения, но в конечном счёте всегда можно сказать нет и уйти. Да и парень действительно симпатичный, глаза у него теплые, цвета карамели. А у меня, считай, безвыходное положение и ограничение по времени, чтобы решить свою «невинную» проблему.

2 глава

Пусть я не вижу своего лица, но почти уверена, что сейчас оно бледное: пальцы подрагивают, а сердце быстро бьется в груди, когда замечаю интерес в карих глазах. Чувствую неумолимое желание сбежать. И одновременно остаться. В везунчике есть что-то притягательное. И нет, я не ошиблась, ему чуть больше тридцати. Если точнее – тридцать три. Заметила в сообщении, которое пришло на его телефон десять минут назад. Какая-то Ирина поздравляла везунчика с возрастом Христа и слала сердечки. Много сердечек. А он ничего ей не ответил – безразлично смахнул строку уведомлений и затемнил экран, возвращая взгляд к моему лицу.

Темно-синяя приталенная рубашка сидит идеально на крепко сложенном теле. Рукава закатаны по локоть, на голове легкий беспорядок, на губах улыбка, а в глазах тоска. Может, из-за алкоголя? Или кто-то не любит свои дни рождения. А может, причина в травмах. Наверное, больно ходить с пластинами в позвоночнике? Без внимания не остается и то, что везунчик часто трогает левое плечо и непроизвольно морщится. Может, предложить ему обезболивающее? У меня есть в сумочке. Но мешать с алкоголем я бы не рекомендовала.

Моего нового знакомого зовут Эрик. Жанна уже вовсю кокетничает с его другом. Но мы с везунчиком не торопимся

начать диалог. Я усиленно прислушиваюсь к себе. Хочу ли с ним секса? Пока не могу сказать точно, в какую сторону больше склоняюсь. Впрочем, не я одна в раздумьях. Эрик пьет виски и не сводит с меня чуть прищуренных глаз. Будто тоже взвешивает за и против – продолжать этот вечер со мной или поискать кого-то постарше. Всё же двенадцать лет разницы. Для меня очень существенно. А для него?

– Аверьянов тебе кем приходится? – Эрик затягивается сигаретой и продолжает внимательно за мной наблюдать.

Отмечаю про себя, что везунчик держит сигарету в левой руке, как и бокал, и телефон, когда на него периодически приходят оповещения. Всё же одна точка соприкосновения у нас есть. Я тоже левша.

– Кто? – переспрашиваю, якобы недоумеваю, и перевожу глаза на пухлые губы.

Это моя слабость. А у Эрика очень чувственный рот.

Хотела бы я, чтобы везунчик меня поцеловал? Пожалуй, да. Мне не особо нравятся курящие мужчины, но запах его сигарет не вызывает отвращения. Скорее наоборот. Интересно, почувствую ли что-нибудь, когда он ко мне прикоснется? Жаль, сразу нельзя пройти тест-драйв. А то, может, мы зря теряем время?

– Вы в одной машине были, а потом и в клубе. Сидели все вместе за дальним столиком.

– А, ты про того парня, с которым мы на заезде были? – расслабленно улыбаюсь я. – Это Даниил, друг Жанны. Она

общительная, у нее много знакомых. Я недавно в город перебралась. Только осваиваюсь.

Едва сдерживаюсь, чтобы не сказать, что сиротка, но это уже будет перебор. У меня приличная одежда, ухоженный вид. Не поверит. Но в том, чтобы притворяться тем, кем ты на самом деле не являешься, должна признать, есть что-то захватывающее. Мне нравится. Как и мысль провести ночь с этим мужчиной. Боже... Так ведь и до нимфоманки недалеко.

– Через час мне нужно встретиться с одним человеком на Знаменке. Поехали со мной? – предлагает Эрик. Тушит окурок в пепельнице и наклоняет ко мне голову.

Его дыхание очень близко, оно обжигает, вызывая рой мурашек на коже. От воображаемой картинки, как везунчик задирает подол моего платья и его рука обхватывает ягодицу, больно смяв ее, внизу рождается приятный спазм. Интересно, в ласках какая рука ведущая?

Я перевожу глаза на бокал с виски и чуть отстраняюсь.

– Ты будешь за рулем?

– Есть какие-то предрассудки по этому поводу? – едва заметно хмурится Эрик.

Неопределенно пожимаю плечами, пока его глаза сосредоточенно смотрят в мои.

– Хочешь, возьмем такси, но я всегда вожу аккуратно.

– Я тоже умею водить, если что, – говорю я и тут же спохватываюсь: – Хотя прав нет.

Мысленно делаю пометку: отдать документы и сумочку Жанне, оставив себе лишь телефон и немного наличности.

– Это типа намёк, что хочешь оседлать мою стрелу? – усмехается везунчик.

Звучит пошло, но слова без подтекста. Я закусываю губу, вновь разглядываю рот Эрика, думая над его предложением.

– Почему намек? Прямо говорю. Дашь прокатиться?

– Я не так много выпил, чтобы доверить тебе свою жизнь. Никогда еще не попадал в ДТП и не собираюсь начинать.

Со скалы падал, но боится попасть в аварию и разбить машину? Даня случаем не ввел меня в заблуждение? Или с экстримом у Эрика покончено?

– Я поеду с тобой, – голос звучит надтреснуто, хочется прочистить горло, но не уверена, что поможет. Мне немного тревожно.

– Тогда пошли, – говорит Эрик, расплачиваясь с барменом.

Но уйти мы не успеваем. Друг везунчика спрыгивает с барного стула и, взяв номер Жанны, прощается с нами. Мужчины выходят из клуба, а я в это время отдаю подруге документы и сумку. Хочу остаться инкогнито. Имени будет вполне достаточно.

– Паша сто процентов занят, а вот у Эрика, похоже, никого нет, – заключает человек-рентген.

Не знаю, как у Жанны получается это определять, но она

практически никогда не ошибается.

– Только предохраняйся, – просит подруга и сует мне в руки презерватив. – Мало ли. Твой отец и так будет в бешенстве, когда узнает, что ты вытворяешь. Не хватало еще, чтобы залетела.

– Эрик пригласил меня съездить в одно место, к знакомому. – От волнения я прикладываю руку к груди, пытаюсь унять бешеное сердцебиение. – Лишь бы потом не пожалеть об этой аванюре.

Жанна негромко смеется и стреляет глазами в толпу.

– Это приглашение еще ничего не значит. Он сомневается, видит, что молодые. Нужно было попроще искать вариант. Попробуй быть смелее, а то Эрик смотрит на тебя с таким видом, будто прикидывает, сколько ему светит за растление малолетних. Всё. Я Тёмыча нашла. Сейчас попрошу, чтобы отвез меня домой. А от тебя жду звонка и подробного отчета, получилось у вас с ним переспать или кто-то в последний момент соскочил. – Она целует меня в щеку и скрывается из виду.

Эрик появляется в зале через минуту. Этого времени мне вполне хватает, чтобы принять окончательное решение. В его пользу. «На крайний случай всегда можно уйти», – успокаиваю я себя.

– Не сбежала? А зря, – хмыкает везунчик и расплывается в широкой улыбке.

Черт, какой же у него чувственный и красивый рот.

– Тебе выпить взять? – спрашивает Эрик и подходит к барной стойке, оплачивает пачку сигарет.

– Нет. Мне хватит. Утром нужно на работу.

– Ты разве не учишься? – искренне удивляется он.

– И то, и другое. Приедем сложно зацепиться в городе. Приходится крутиться.

Поправляю волосы, одергиваю платье и следую за везунчиком на выход. На улице прохладно. Я зябко прижимаюсь к мужскому плечу, тому самому, за которое Эрик хватается весь вечер. Он морщится, но приобнимает за талию и достаёт иммобилайзер. Открывает дверь своей черной стрелы и ждёт, когда я заберусь в салон. Сам садится за руль, слышится щелчок блокировки замков.

– Не страшно? – спрашивает Эрик, слегка повернув голову в мою сторону.

Я не помню, когда так волновалась. В горле по-прежнему першит, и кончики пальцев дрожат. Наверное, потому что для меня важно происходящее сейчас, пусть мы почти и не знаем друг друга.

– А должно быть? – отвечаю вопросом на вопрос и задерживаю взгляд на его лице.

Повисает недолгая пауза.

– Пристегнись, – усмехается Эрик и трогается с места.

Предупреждение веское, потому что манера езды у везунчика резче, чем у Дани. Я бы даже сказала: агрессивная. Удивительно, что Эрик не выиграл гонку. Может, не в фор-

ме и виной всему рука, которая «дает ему прикурить»? Нас иногда заносит на поворотах. Это почти незаметно, но мой брат – ас в экстремальной езде. Мне легко подмечать подобные детали. Жаль, что Даня не разрешает участвовать в заездах, я бы хотела попробовать.

Стрела останавливается у старой многоэтажки, и везунчик кивает на темную подворотню:

– Приехали.

– То есть мне ты не доверишь свою жизнь, а сам на поворотах как пьяная девочка? Посмотри на это. – Вытягиваю руки и показываю, как у меня волосы дыбом стоят. – Это от твоей манеры езды. Да-да, – киваю я.

Эрик улыбается и тянется за телефоном, быстро набирает кому-то сообщение. Всё же левая рука у него ведущая. Только сейчас осознаю, что я поступила слишком опрометчиво, отдав Жанне свои документы и карточку. Этот человек не захотел доверять мне свою жизнь, а я так легко вверила ему свою? Вдруг он привез меня в какой-нибудь притон и здесь надо мной будет издеваться по меньшей мере дюжина человек?

– Думай не так громко, – спокойно произносит Эрик и отрывает взгляд от экрана. – Не то у меня тоже волосы встанут дыбом от твоих мыслей и испуганных глаз. Они и так у тебя большие, но сейчас и подавно грозят выпасть из орбит. Друг у меня здесь работает. Называет это место вертепом. Созвучно с борделем, но не оно, – поясняет он, хищно при-

щурившись, и приподнимает уголок губ.

Я непроизвольно дергаю ручку двери. На эмоциях. Улыбка Эрика становится шире. Карие глаза красиво блестят в приглушенном свете.

– Передумала? – осведомляется он, приподняв одну бровь.

– Нет, – уверенно отвечаю я, беря себя в руки, но внутри не перестаю крутить мысль потихоньку смыться домой.

И вовсе не от страха, что меня ждет дюжина извращенцев в незнакомом месте, а потому что присутствие Эрика сильно волнует и вызывает необъяснимый трепет.

3 глава

– Как зовут друга? – спрашиваю я и нарочно громко хлопаю дверью, выходя на улицу.

В отместку. А еще интересно понаблюдать за реакцией моего нового знакомого. Когда я так делаю с Даниной машиной, он жутко бесится и каждый раз обещает выдернуть мне руки.

– Патрик, – бросает через плечо Эрик и даже бровью не ведет.

Ставит машину на сигнализацию и идет к высотке уверенным шагом.

Встряхиваю головой, чтобы избавиться от мысли, что у везунчика железная выдержка и слишком мощная комплекция. Если навалится весом своего тела, то вероятнее всего, будет нечем дышать и я умру от недостатка кислорода. Отвожу глаза от широкой спины и узких бедер и направляюсь следом. Эрик мне ничего в коктейль не подсыпал? Что за бредовые мысли?

Заметив вывеску, скептически морщусь. Действительно «Вертеп». Но не бордель. Тату-салон.

– Хочешь набить себе рисунок?

– Попробовать для начала. Если затянет, то у меня масса идей. Вот здесь, – показывает Эрик на руку, – шкалу заряда с тремя делениями. Тут, – кивает на левое плечо, – абстракт-

цию, эскиз уже есть. На спину – надпись на латыни, и если место останется, то сапсана в полете.

– Много задумок. Но тату делать больно.

Эрик протягивает руку и убирает прядь волос с моего лица. Прищулив глаза, смотрит на меня. Взгляд у него красивый. С чертовщинкой.

– Есть опыт?

Я киваю.

– Что-то личное или просто порыв?

– Личное, – отвечаю я, чувствуя, как по коже снова начинают ползать мурашки, когда Эрик опускает глаза на мои ноги, обтянутые чулками, осматривает запястья и голые участки тела.

Не хочу говорить, при каких обстоятельствах сделала татуировку и в каком месте оставила несмываемый отпечаток, но ведь он всё равно увидит. Если дойдет до секса.

– Грудь. С левой стороны.

– Кто-то близкий? – интересуется везунчик.

Вспоминаю, как Даня говорил что нужно было Эрику сиськи показать, чтобы мы в выигрыше остались. Его слова всё же оказались пророческими. Я подхожу ближе к вывеске, от которой исходит свет, и опускаю вырез платья и кружево черного белья до того места, где скрывается знак бесконечности. Рисунок красивый, аккуратный и четкий. В этой отметине отчасти моя душевная рана и щемящая боль.

Эрик несколько мгновений рассматривает татуировку

и поднимает глаза к моему лицу. Никак не комментирует, но теперь моя очередь сказать эти слова.

– Думай тише. Это не то, чем кажется. Никакой неразделенной любви или чего-то подобного.

– Но со смыслом? – уточняет он.

– Именно.

– Красивые. Обе. И ты, и татуировка, – тихо говорит Эрик и обнимает меня за плечи.

Ощущаю, как возвращается дрожь. И нет, не от холода. Незамысловатый комплимент звучит так обезоруживающе, что я еще несколько мгновений прокручиваю его в голове. На ходу поправляю одежду. Мы оказываемся внутри не очень презентабельного с виду дома. Последний раз я была в тату-салоне с Даней. Пять лет назад.

Навстречу выходит долговязый рыжебородый парень в черной кепке. Сканирует меня внимательным взглядом, пожимает Эрику руку и приглашает нас пройти в глубины его священной пещеры.

Я подхожу к окну, скрещиваю руки на груди и осматриваюсь по сторонам.

– Решил сделать себе подарок на день рождения? – спрашиваю, заметив на журнальном столике каталог с рисунками и кофемашину в углу.

Выпить чашку крепкого напитка не помешало бы. Нервозность не отпускает.

– Да, подарок, – многозначительно произносит Эрик,

не отводя от меня карих глаз.

А вот теперь его слова звучат с подтекстом. И то, как он смотрит в это мгновение, наталкивает на мысль, что подарок вовсе не тату.

– Давай бартер, лори? – предлагает Эрик.

– Кто?

Губы везунчика трогает ироничная усмешка.

– Лемур. Экзотический зверек. Он и образ жизни ведет ночной. Тебе подходит.

– Это тот самый, который из «Пингвинов из Мадагаскара»? Совсем не похоже! – укоризненно качаю головой.

– Конечно, не похоже, там другая разновидность. Глаза у него не такие большие, – смеется Эрик.

Долбанный извращенец, неужели его заводят мысли, что он проведет ночь с каким-то приматом? Нервы простреливает с новой силой. Между нами ненадолго воцаряется тишина.

– Ну так что с бартером, глазастик? – Эрик засовывает в рот сигарету и наглым взглядом сканирует мое тело.

– Ты сейчас предлагаешь мне сделать татуировку, правильно я поняла?

Он кивает.

– Я согласилась поехать, зная тебя от силы пару часов, а ты уже хочешь набить рисунки в один день? Надеюсь, не парные? – иронизирую я.

Почему-то смущает его пристальный взгляд. Что он задумал?

– Разрешу на машине прокатиться. Хочешь?

Заманчивое предложение. И явно с подтекстом.

– Окончательное решение приму после того, как покажешь рисунок.

– Хорошо, – кивает Эрик. – Я уже придумал, – с беззаботной улыбкой сообщает он и подходит к столу.

Берет в левую руку карандаш и что-то быстро рисует на листе бумаги. Протягивает мне и ждет реакции.

– Стрелы вокруг запястья? – Округляю в изумлении глаза.

– Останется напоминанием о том, что разбила мою машину.

Эрик тушит окурок в пепельнице и берет меня за запястье. Нежно поглаживает кожу, запуская по телу новый рой мурашек.

– Я не разобью твою машину! – Пытаюсь выдернуть руку, но Эрик не отпускает.

– А вдруг? Охота ведь прокатиться? – В карих глазах и голосе вызов.

– Не до такой степени, чтобы оставлять о тебе воспоминание на всю жизнь. Или искать мастера и месяцами выводить рисунок.

– Как хочешь. – Эрик наконец отпускает меня и отходит к окну. – Но пока мне будут набивать тату, подумай.

Он снимает с себя рубашку, и я разглядываю его тело. На плече красуется шрам. И на спине. Везунчик весь в них. Сколько падений и операций у него было?

– Откуда столько отметин? – мой голос почему-то звучит встревоженно.

– Ступени моей смелости.

– На голове тоже есть?

– Голову стараюсь беречь. Для работы необходима.

– Кем ты работаешь? Каскадером? – хмыкаю я.

– Было подобное. Пару раз выполнял трюки. Друг, который был с нами в клубе, с тех пор в шутку называет Джеки Чаном.

– Ты и впрямь безбашенный, – выдыхаю я, разглядывая тренированное тело и чувствуя, как волоски на коже опять встают дыбом.

Нужно будет обязательно найти видео его падения и посмотреть.

– А ноги?

– Боишься, что у меня там протезы?

– Не удивлюсь.

– Всё, что ниже, рабочее и в отличном состоянии, – подмигивает Эрик, прожигая темнотой своих глаз.

Другого ответа я и не ожидала.

Патрик появляется в комнате и кивает Эрику на кушетку. Почти два часа я наблюдаю, как везунчик время от времени корчится от боли, когда игла входит слишком глубоко. Размышляю над его предложением и стрелками, которые он изобразил на листе бумаги. Я совсем не ношу украшений, а этот рисунок похож на изящный браслет. Можно по-

просить мастера сделать линии тонкими. Но как представляю дискомфорт, когда игла входит в кожу, запал тут же становится меньше. А впрочем... Почему бы и нет?

Абстракция в индивидуальной прорисовке, которую Патрик наносит на плечо Эрика, очень красивая. Элементов много, рано говорить о конечной картинке, но даже сейчас работа выглядит впечатляющей.

– Нужно будет еще подъехать, как заживет, – говорит долговязый. – Три или четыре сеанса минимум, чтобы выглядело естественно.

Эрик кивает, поднимается с кушетки и разминает затекшие мышцы. Поворачивается и в течение нескольких секунд изучает мое лицо.

У меня было два с лишним часа, чтобы подумать. И я решилась. К тому же повод действительно стоящий.

Пока везунчик курит у окна, сажусь напротив рыжего парня и протягиваю ему руку.

– Боль я переношу сносно, – тихо сообщаю, на что он коротко усмехается. – Хочу, чтобы конечная картинка выглядела неброско. Вдруг я в стюардессы решу пойти?

– Принято. Если надоест, то знаешь, где меня найти. Верну всё в первоизданный вид.

Нанесение моего тату на запястье занимает значительно меньше времени. Я умалчиваю, что, пока наблюдала за процессом, мне еще пришла идея рисунка. Возможно, и ее как-нибудь осуществлю, но уже в другом месте и с другим ма-

стером. Не таким серьезным и молчаливым.

В конце Патрик смазывает кожу гелем и объясняет, как ухаживать за татуировкой, пока она не заживет.

– Правда нравится? – интересуется Эрик, заметив, что я рассматриваю его подарок на свету от лампы.

– Пусть для начала заживет, – отвечаю я и протягиваю ладонь. – А сейчас давай ключи от машины.

Везунчик отрицательно качает головой, а я вспыхиваю от негодования.

– Вдох-выдох, лори. Считай до десяти и запоминай: я всегда держу свое слово. Для начала настрою кое-что в электронике и забью в навигаторе адрес ближайшей аптеки. Купим препараты, которые выписал Патрик, а после поедem в гостиницу.

– Даже не спросишь, согласна ли я продолжить вечер в твоей компании?

– Ты его уже дала. Разве нет? – медленно говорит везунчик, щуя глаза. – Иначе зачем это всё?

Ничего не отвечаю. Молча иду на выход, чувствуя, как жжет кожу на запястье и как сердце предательски ёкает, когда Эрик протягивает мне ключи от своей машины.

Я беру их, испытывая потрясающие ощущения. Но они тут же смазываются другими, более головокружительными, потому что везунчик прижимает мое неподвижное тело к своей стреле и блокирует, ставя руки по обе стороны от меня на крышу спорткара. Я чувствую его запах. Чуть-чуть мя-

ты, цитруса, алкоголя и табака. Неосознанно провожу кончиком языка по губе. Желание, чтобы он поцеловал, становится сильнее, и его всё сложнее контролировать.

– Скажи, что тебе есть восемнадцать, – хрипло просит Эрик.

Я неотрывно смотрю на его чувственный рот. Стоит сделать небольшое движение вперед, и наши губы коснутся друг друга. Везунчик медлит, будто его действительно волнует, сколько мне лет, хотя в глазах бушует шторм. Как и я, он уже всё для себя решил, но ждет, когда я подтолкну нас обоих к пропасти и отрежу пути к отступлению.

– Больше. Мне двадцать один, – выдыхаю и касаюсь губами его рта.

Эрик всё же теряет контроль. Целует напористо, глубоко, долго. Есть в нём что-то дикое, необузданное и притягательное. И этого не спрятать за нарочитой сдержанностью. Везунчик вжимает меня мощью своего тела в машину и обхватывает ладонью за ягодицу, сминая ее до отчетливой боли. Я громко охаю, а он тут же ловит этот звук и снова проталкивает в мой рот язык.

Что я там вещала несколько часов назад про страх и дюжину извращенцев? То был легкий мандраж. А теперь по-настоящему страшно. От силы своих ощущений, когда нахожусь в сомкнутых руках человека, которого совершенно не знаю.

4 глава

– На повороте сверни направо, – говорит Эрик и, докурив сигарету, закрывает окно.

– Там знак. Нельзя, – предупреждаю я, бросая быстрый взгляд на невозмутимого везунчика.

Не пойму, он любит свою машину или нет? Я делаю всё, чтобы увидеть зловещий блеск в карих глазах, но в ответ получаю убийственное равнодушие. Хочется стесать бочину его стреле за это. Вон у него какой мастер-умелец из «Вертепа» имеется. Нарисует новое так, что и не отличить потом от родного.

– Где ты работаешь? – спрашивает везунчик.

– Хочешь прикинуть, потяну ли я ремонт твоей машины? Нет, не потяну, – досадливо хмыкаю я.

– И всё же?

Соврать или сказать правду? Впрочем, никакой разницы. Вряд ли мы ещё с ним когда-либо увидимся.

– В госпитале. Санитаркой подрабатываю. Полы мою, утки за больными выношу. Та ещё работёнка. Но помогать людям – моё.

Эрик хмурится.

Ну ладно, в частной клинике. И не полы мою, а прохожу стажировку. Но не суть, так как изредка и санитаркой тоже бываю. Остальное время провожу за учебой и работой в но-

утбуке. Отец тщательно следит за тем, чтобы я не бездельничала. Ну или по крайней мере создает видимость, что таким образом интересуется моей жизнью.

– В меде, что ли, учишься?

– Пытаюсь.

Тоже неправда. Я будущий инженер по медицинскому оборудованию. С этого года перевелась на заочное отделение. У меня математический склад ума и с детства интерес к железкам. Еще бы не лениться и развивать способности, как говорит мой отец. А я часто ленюсь, да еще и мотивацию потеряла с этими разговорами о свадьбе с его престарелым партнёром.

– Медсестричка, значит?

– Угу. А ты?

– Распизд*й и наследник огромной империи. Каждый вечер зависаю в клубе и ищу, с кем весело провести время, – тут же отвечает Эрик.

– Коллекционируешь экзотических зверьков?

Он усмехается.

– Паркуйся у обочины, лори. Я пересяду за руль, а то ползем как черепахи. Или ты боишься педаль сломать?

Везунчик меняет маршрут в навигаторе и достает из кармана брюк телефон. Кому-то набирает сообщение, пока я прислушиваюсь к собственным ощущениям.

– Зачем нам на автомагистраль? – спрашиваю.

– Последняя попытка, глазастик. Там сможешь разогнать-

ся аж до шестидесяти. Если хватит смелости, – ёрничает он.

Сплошные противоречия, однако. Выбесить его хочу я, а происходит всё с точностью до наоборот. Я люблю скорость. На моем жуке особо не разгонишься, и Пётр иногда дает мне покататься на внедорожнике отца. Но сейчас не хочется куда-либо торопиться, выжимать максимум из порше везунчика. Мне нравится ползти, как черепаха, наслаждаться видом ночного города и своими настоящими эмоциями. Иногда важен сам процесс, а не результат. Хотя и он тоже имеет значение.

– Ты в курсе, что людей нельзя изменить, но можно внести сумбур и смуту в их мысли, заставить сомневаться и тем самым совершать ошибочные действия? Я не буду разгоняться до максимума и на автостраду не поеду. Мне нравится ехать по ночному городу. Медленно, – подчеркиваю я последнее слово и возвращаю в навигаторе прежний адрес. – Ты разрешил сесть за руль, но не было уговора, что я буду подстраиваться под твои ожидания.

– Музыку включи, – спокойно просит Эрик и снова усмехается.

Типа чтобы молчала и меньше говорила? Не знаю, как сдерживаюсь, потому что у меня всё кипит внутри от этих слов и манер моего нового знакомого. Если еще окажется, что и слушает он какую-нибудь ерунду, то я демонстративно выстрою маршрут до своего дома. И плевать на тот поцелуй. И на мой план. Приключения – хорошо, но всё

должно быть в меру и не в ущерб нервной системе.

Через полчаса я паркую машину на стоянке возле отеля и мы выходим на улицу. Эрик оформляет на ресепшене номер, а я достаю из пакета конфеты, которые он купил в аптеке.

– Будешь? – спрашиваю, протягивая ему упаковку, и запихиваю в рот одну, с клубничным вкусом.

Эрик щурится, наблюдает за мной, а потом притягивает к себе за талию и целует. Сердце летит вниз, дыхание сбивается, и кровь шумит в ушах, когда он отбирает у меня языком карамельку. Прикусывает зубами напоследок за нижнюю губу и нагло усмехается, облизываясь, как сытый кот. Всё это он делает на виду у двух девочек, оформляющих нам номер. У темненькой слегка приоткрывается рот и глаза становятся похожими на блюдца. Везунчику сейчас вся статья предложить ей быть третьей. Она не откажется. Но Эрик не предлагает. Забирает документы, ключ, и мы идём к лифту.

Оказавшись с ним вдвоем в замкнутом пространстве, я снова чувствую дрожь и волнение. Особенно когда он так смотрит. Если Жанна – человек-рентген, то Эрик – душевыниматель. То ли от природы проницателен, то ли обучался вводить в гипноз, но иногда от него невозможно отвести глаз. У него определенно есть какая-то сверхспособность и сверхживучесть, учитывая шрамы на теле, которые, кстати, нисколько не портят его внешнего вида. Жаль, что не увижу конечный результат стараний его мастера и все смелые

задумки везунчика.

– Ты взял два номера, – киваю я на ключи в его руках. – И уточнял, находится кто-то рядом или нет. Зачем?

– На всякий случай. Обычно в гостиницах плохая шумоизоляция. Не хочу, чтобы ты криками и стонами разбудила других постояльцев.

Боже, на что я согласилась? Надеюсь, у него нет садистских наклонностей?

Эрик открывает дверь, пропускает меня вперед. Интересно, он бывал здесь раньше? Много раз? Мне не должно быть до этого дела, но почему-то я думаю об этом.

Везунчик проходит вглубь номера. Я ступаю за ним по мягкому ворсу ковра. Номер большой. Красивый. Последний этаж. Из окон в пол открывается потрясающий вид на ночной город.

– Как запястье? – доносится глухой голос из комнаты.

– Жжет. Не очень приятные ощущения, – делюсь своими впечатлениями.

Эрик расстегивает рубашку и подходит ко мне. Его глаза красиво блестят в полумраке и по-прежнему отдают теплом. Садисты вряд ли так себя ведут, правда? Прислушиваюсь к себе. Страшно ли мне? Немного. По большей части из-за того, что совсем не знаю своего нового знакомого, но отчего-то доверяю этому человеку больше, чем тому, за которого отец хочет выдать меня замуж. Несколько часов, прове-

денных вместе, и пара приключений явно пошли на пользу – я чувствую себя рядом с Эриком раскованно и в безопасности. В относительной безопасности, учитывая пикантность нашей ситуации.

Везунчик берет мою руку и кладет себе на живот. Он горячий и твердый. В висках тут же начинается шуметь. Такое сильное влечение я испытывала лишь однажды, но этого человека больше нет в живых. С ним же я пережила свой первый оргазм и мечтала лишиться девственности. Много о чём фантазировала и даже представляла себя в белом платье и в окружении наших детей.

Зажмуриваю на мгновение глаза и заставляю себя избавиться от ненужных мыслей. Ощущение неправильности ситуации не покидает весь вечер, но и брак с партнером отца для меня противоестественен. За последние полгода в моей жизни многое встало с ног на голову, и Эрик вполне подходящий кандидат, чтобы внести еще больший хаос. Потом буду разбираться с последствиями своего опрометчивого поступка.

– Возможностей сказать нет и уйти у тебя было достаточно, – тихо и вкрадчиво говорит Эрик, наблюдая за моим лицом. – Еще не поздно это сделать.

Думает, что боюсь? И даже не догадывается, как близок к истине.

Хочу сбежать, потому что не знаю, как себя вести и что делать дальше. Лишь в теории. Но я быстро обучаюсь. Схваты-

ваю на лету, если мне действительно что-то интересно. Думала, буду смущаться и краснеть, но единственное, за что переживаю: язык не поворачивается признаться везунчику, что у меня еще ни с кем не было секса.

Осторожно опускаю руки на его пах и сжимаю эрекцию. Пытаюсь анализировать, почему так заводит этот мужчина и его пронизывающий взгляд, но ничего не получается. Мысли расплзаются в стороны. Может, со мной что-то не так? Вдруг я скрытая нимфоманка?

– Смелее, лори, – хрипло просит Эрик.

От интонации его голоса внизу живота разливается горячее пламя. Справившись с ремнем на брюках и ширинкой, просовываю руку в белье и касаюсь эрекции. Обхватываю ладонью бархатистую кожу и сжимаю член, не отводя от везунчика глаз. Без понятия, нравится ему или нет то, что я делаю, но кажется, да. Зрачок полностью поглотил радужку, мощная грудь часто и высоко поднимается в такт неровному дыханию. При любых других обстоятельствах я вряд ли была бы такой смелой, но с этим мужчиной всё иначе. То ли аура его уверенности, то ли понимание, что это наша первая и единственная встреча и мы ничего толком друг о друге не знаем, придают мне решимости и безрассудства.

– Достаточно.

Эрик шумно сглатывает и берет меня за запястье, снова чуть выше, чтобы не касаться татуировки. Опустив голову, он впивается в мои губы. Да, целоваться с ним – чистый

кайф.

Медленно ведет к дивану, не переставая терзать мой рот, и опрокидывает на него. Его рука гладит бедра и касается белья. Эрик проникает под него пальцами и трогает меня там.

«Признайся ему, что у тебя секс в первый раз», – стучит в висках, но я тут же отмахиваюсь от этой мысли.

Эрик словно чувствует мое напряжение, отстраняется и внимательно смотрит в лицо. Я царапаю ногтями его затылок и снова тянусь к губам. Мне нравится, как он целуется. Не хочу, чтобы останавливался. Пусть продолжает. Иначе сойду с ума. Он распределяет влагу пальцем по складкам и нажимает на бугорок. Тело простреливает искрами возбуждения. Это безумно приятно. Настолько, что у меня вырывается глухой стон и я двигаюсь бедрами навстречу. Везунчик с улыбкой наблюдает за моим лицом, а затем целует в шею, спускается к груди и кусает затвердевшие соски через ткань, продолжая настойчиво ласкать между ног.

Я совершенно забываю о разнице в возрасте и о том, что такие, как он, не в моем вкусе. Оказывается, в моем. Особенно когда мягкими нажатиями пальцев Эрик вызывает все эти приятные ощущения и подводит к пропасти, толкает в нее и наблюдает за неминуемым падением, не отводя темного взгляда. Я содрогаюсь в сильных руках от яркого наслаждения. И едва отойдя от экстаза, замечаю, что Эрик стягивает с себя брюки. Надевает презерватив и, освободив от белья, вжимает меня весом своего тела в матрас. Обхватывает ру-

кой за ягодицы и, направляя себя, входит в меня толчком.

Мышцы цепенеют одна за другой, из глаз снова сыплются искры. Но уже от боли. Я хватаю ртом воздух, дергаюсь и закусываю губу до крови, чтобы сдержать испуганный всхлип. Боль терпимая, но в совокупности... всё представлялось совсем иначе. Не так остро. Не так запредельно. Кажется, еще чуть-чуть, и остановится сердце. Или я лишусь чувств.

Везунчик замирает внутри меня и смотрит в лицо недоумевающим взглядом. Челюсти плотно сжаты. Повисает долгая пауза, пока я пытаюсь привыкнуть к новым для себя ощущениям и жду, что он начнет двигаться. Но ничего не происходит.

– Охренительный подарок, лори, – наконец цедит Эрик сквозь зубы. – Предупреждать же нужно.

Чувство распираания и давления не становится меньше. Я уже и сама пожалела, что так сделала. Действительно, нужно было предупредить. Мне больно.

Эрик тяжело дышит, на лбу проступает испарина. Какое-то время он продолжает меня разглядывать, а потом медленно выходит. Видит кровь на своем члене, тихо матерится и качает головой. Молча поднимается с дивана и направляется в душ. Я остаюсь одна. В полном непонимании, что делать дальше.

Вдох-выдох, считаю до десяти и встаю. Осматриваюсь в гостиной и направляюсь в ванную на дрожащих ногах.

Снимаю остатки одежды и, открыв створки душевой, захожу внутрь. Тут же взвизгиваю от неожиданности, потому что Эрик стоит под ледяными струями, упершись одной рукой в стену.

Заметив меня, он переключает воду, делая ее теплее, и поворачивается. В карих глазах бушует буря.

– Я должна была сказать, но, если бы призналась, ты бы не привез меня сюда. – Голос не выдает эмоциональной паники, но я сильно волнуюсь.

Разве Эрик не понимает, что, отвергнув, нанесет мне душевную рану? Почему остановился и не закончил начатое? Действительно такая железная выдержка?

– Не привез бы, – подтверждает он мои слова. – Сейчас вызову такси и отправлю тебя домой. Или в клуб. Подыщешь себе другого дефлоратора.

Эрик собирается выйти, но я и прижимаюсь к твердому и холодному телу. Аккуратно перехватив запястья, он окидывает меня недобрый взглядом.

– Не знаю, какие цели ты преследовала, соглашаясь поехать со мной, но я искал связь ровно на одну ночь. И рассчитывал получить секс. А не девственницу, у которой глаза на мокром месте, когда я начинаю в ней двигаться. Нахера так обламывать, Регина? Что мне с тобой делать?

Эрик впервые называет меня по имени. Я сжимаюсь от его тона и опускаю глаза. У него всё равно стоит, хотя он был под холодными струями воды. А я нахожусь в ступоре, хотя

отчетливо понимаю, что не хочу уезжать на такси. Хочу ещё раз попробовать. С ним. Хочу его внутри. И чтобы Эрику тоже было хорошо, как и мне несколько минут назад, когда он подвел к пропасти и сбросил в пучину экстаза. Готова ради этого потерпеть дискомфорт. В конце концов все его поначалу испытывают. Это нормально. Зачем останавливаться на полпути?

Я медлю ровно секунду, а потом сбрасываю его руки и послушно опускаюсь перед ним на колени.

– Что ты делаешь? – Скулы Эрика напрягаются сильнее.

– Хочу, чтобы ты стал моим первым мужчиной. Во всех смыслах этого слова.

5 глава

Пальцы Эрика смыкаются на моём подбородке, он приподнимает его, прожигая меня пристальным взглядом. Я, глупая, думала, что всё будет как в кино, но реальность оказалась совершенно иной. Везунчик не торопится упрощать мне задачу. Медлит и держит за подбородок, глядя в лицо. Аж мышцы шеи сводит. Сердце отбивает бешеный ритм в груди, и почему-то хочется расплакаться. Так себе первый раз, должна признать, но каким-то чудом держусь и не показываю, как задето самолюбие. Мысленно прошу Эрика меня не отталкивать и не отправлять на такси домой, хотя знаю наверняка, что потом пожалею о принятом решении. Впрочем, не больше, чем о вынужденном браке с Иманом.

Наконец, карие глаза становятся мягче.

– Поднимись, – отчетливо произносит Эрик. – С любимым человеком будешь это делать.

«У меня его нет, и в ближайшее время не планирую ни в кого влюбляться», – крутится на языке, но вместо этого я говорю другие слова:

– Меня устраивает связь на одну ночь. Представь, что я не девственница.

– Ты и так уже не она.

Да, действительно. Чувство дискомфорта между ног после грубого проникновения не становится меньше.

– Люблю смелых и настойчивых, – иронично улыбается Эрик. – Если ты не в курсе, лори, то Гудвин не только храбрость раздает.

Намекает, что у меня мозгов нет? Есть! Но оценить мой потенциал по достоинству у везунчика всё равно не получится. Время и место не те.

Пальцы Эрика перемещаются на мои волосы, он ласково поглаживает их, продолжая меня разглядывать. Я перевожу глаза на его неспадающую эрекцию. Понимаю, что обратной дороги нет, но всё равно страшно. Ещё и эти разговоры... Они сильно смущают. Мне больше нравилось, когда он молчал.

– Я... – запинаясь, и нервно сглатываю. Внутренности скручивает от волнения. – Мысль, что ты приводишь в этот номер каждую ночь новую девушку, отчасти заводит, но...

– Я чист, – перебивает Эрик.

Сердце колотится внутри как сумасшедшее, в голове пусто, ни одной связной мысли. Хоть действительно беги к Гудвину. На голых инстинктах поднимаю руку и накрываю ладонью напряженный и горячий член, чувствуя, как во рту образуется вязкая слюна. Вдруг его вкус вызовет у меня отвращение? Я не ханжа, открывала несколько раз порно ради любопытства, смотрела, как девушки орально удовлетворяют мужчин. Так глубоко, как на просмотренных видео, я вряд ли смогу взять его длину. Слишком большой. И пока смутно представляю, как это может нравиться и быть прият-

ным именно девушке.

Закрываю глаза и касаюсь эрекции губами. Обвожу кончиком языка головку члена и принимаю его длину в себя. Никакого отвращения, к счастью, при этом не испытываю. Эрик шумно втягивает воздух, хватка пальцев в моих волосах становится сильнее. Он кладет руку мне на затылок и усиливает давление, задает темп движениям, помогая подобрать нужный ритм. На глазах выступают слёзы, и откуда-то из глубин поднимается приятная волна, заставляющая сжиматься мышцы живота и ныть соски. Хочу, чтобы он потрогал мою грудь. Но не через ткань, как было на диване, а по-настоящему.

– Глаза открой, – просит Эрик. – На меня посмотри.

Я делаю, как он говорит, и замечаю, как часто вздымается его грудь. В потемневших глазах снова буря, но от злости не осталось и следа. Сейчас она по другому поводу. Похоже, кого-то накрывает?

– Какие же они у тебя... – криво усмехается Эрик, и его член напрягается во мне сильнее. – Всё нормально, лори?

Я быстро моргаю. Скольжу губами вверх и вниз, прерываясь лишь потому, что не хватает воздуха. Даже в какой-то мере увлекаюсь этим процессом.

– Хватит, – доносится глухой голос Эрика, и он аккуратно отстраняет меня за волосы.

Выключает воду и берет полотенце. Вытирает влажное тело и ведёт меня в спальню, останавливается у кровати. Горя-

чее дыхание обжигает висок, руки поглаживают спину, вызывая приятную дрожь. Реакция Эрика, когда он прервался во время секса, поняв, что мне больно, о многом сказала. В первую очередь о том, что у него хорошая выдержка, а следовательно, ему можно довериться. Но полностью расслабиться у меня не получается.

Эрик впивается голодным поцелуем в мои губы. Помечает укусами шею, ключицы и спускается ниже. Касается влажным языком затвердевшего соска. Я обхватываю его за плечи, и он тут же хрипло шепчет:

– Тату.

Я поспешно отдергиваю руки.

«Он не сделает больно, не сделает», – стучит в висках, пока по сотовому кругу вспоминаю бурю, что была в карих глазах, когда я пришла к нему в душ. Даже в тот момент Эрик помнил о моем запястье и не пытался причинить боль.

Везунчик толкает меня на кровать и наваливается сверху, подминая под себя. Воздух покидает легкие, когда он кладет руку на живот и ведет ее вниз. Там до сих пор ноет от недавнего вторжения. Он касается набухших складок, нажимает пальцем на пульсирующий, требующий разрядки клитор, и я дергаюсь. Неосознанно. Эрик тут же напрягается.

– Всё нормально. Правда. Продолжай.

Несколько мгновений он смотрит мне в лицо, а затем накрывает мои губы своими. Поцелуй нельзя назвать нежным, Эрик будто наказывает им за что-то, но мне нравится.

Не знаю, зачем это делаю, но кусаю его за нижнюю губу. Он опять отстраняется и смотрит на меня безумными глазами, в которых бушует шторм.

– Дрожишь, потому что нравится или потому что боишься? – спрашивает Эрик, накрывая ладонью мою грудь, нежно сжимает, вызывая новый виток приятных ощущений.

Сегодня вечер и ночь противоречий. Наслаждение и боль рука об руку идут вместе.

– Я не боюсь тебя, – отвечаю шепотом.

– А зря.

Эрик берет с тумбочки презерватив, надевает его, а я развожу ноги шире. Вопреки тому, что мне страшно, я мокрая и жажду продолжения.

– Дубль два, лори. Сейчас я точно не остановлюсь. Не передумала?

Отрицательно качаю головой и, закусив губу, напрягаюсь, когда чувствую давление возбужденной эрекции между складок. Эрик входит в меня медленно, без резких движений. Глаза у него дикие, зрачок снова поглощает радужку.

– Не сдерживай себя. – Мой голос звучит приглушенно.

Пока ещё не осознаю, к чему себя приговариваю, потому что Эрик начинает двигаться резко не сразу. Постепенно наращивает темп. А я изо всех сил стараюсь не забывать дышать, когда толчки становятся частыми и ритмичными.

Он просовывает между нами руку. Массирует клитор и не перестает целовать меня, стараясь заглушить дискомфорт

от глубокого проникновения. Это похоже на пытку. Боль на грани наслаждения. Его пальцы вот-вот подведут к краю, и я снова полечу в пропасть. Из меня вылетают хриплые стоны, и чувство давления увеличивается, когда накрывает экстазом. Я ощущаю всё так остро, что кажется, нахожусь на грани и вот-вот действительно лишусь чувств. Эрик совсем меня не щадит, двигается мощно и приходит к финишу спустя пару минут.

Восстановив дыхание, он уходит в ванную, а я остаюсь лежать на кровати и прислушиваюсь к себе и своим ощущениям. Между ног горит. Трогаю половые губы – они припухшие. Надеюсь, этот засранец хоть чуть-чуть насытился? Я бросаю взгляд на телефон, лежащий на комод, и усмехаюсь. Героическими усилиями дотягиваюсь до него и пытаюсь включить. Безуспешно. Сел.

Дефлоратор возвращается из ванны, когда я натягиваю на себя платье, стоя у окна. Бросаю в сторону Эрика быстрый взгляд, замечая, что на нём ничего нет. Хоть бы полотенцем прикрылся, извращенец. Волосы у него влажные, а глаза снова похожи на теплую карамель. Без намека на бурю и шторм.

– Далеко собралась? – Эрик шурится, наблюдая за моими сборами.

Я пытаюсь расчесать волосы пятерней и не обращаю на него внимания.

– Домой. То есть в общагу, – тут же поправляю себя.

– Нет, – категорично заявляет он. – Снимай с себя тряпки

и возвращайся в кровать.

– Что? – От удивления округляю глаза. – Я больше не...

– Вернись в кровать, Регина, – повторяет Эрик. – Утром отвезу тебя, куда скажешь. Больше не трону. Просто хочу убедиться, что не пойдешь резать вены или что вы там обычно делаете, когда отдаете девственность не тому парню?

– Что? – повторяю я и непонимающе на него смотрю.

– В кровать, лори, – приказывает он, будто я его домашний питомец.

Не знаю, как поступить. Вообще, я ужасно устала за этот долгий день и не хочу никуда сейчас ехать.

– И номер свой дай.

– Зачем? Думаешь, еще захочу? Вряд ли. К тому же ты не в моем вкусе.

Эрик усмехается и качает головой. Садится на кровать и тянет меня за руку. Обхватывает бедра ладонями и сжимает.

– Обработай тату, – просит он. – Я два раза ее намочил. Невыносимо жжет. А твоя как?

Везунчик гладит мои ноги, смотрит снизу вверх и заставляет сердце биться быстрее. В его глазах плещется похоть. Если бы не заминка с девственностью, я бы уже опять была под ним, а он во мне.

– И у меня. И не только там. Я дня два о тебе точно не смогу забыть. Пока сесть нормально не получится.

Эрик смеется.

– Тебе ведь правда есть двадцать?

– Двадцать один, – улыбаюсь в ответ и иду за пакетом из аптеки, который остался у входа на полу.

Возвращаюсь и ставлю его на тумбочку. Провожу несложные манипуляции и под конец не удерживаюсь, трогаю свежий шрам на спине везунчика.

– Сорвался со скалы, вытаскивая другого человека. В связке были. Почти полгода провел в больнице на реабилитации. Думал, от скуки умру. Обратная сторона кайфа.

– Зачем ты это делаешь? – недоумеваю я.

– Знаешь, как маленькие дети привлекают к себе внимание взрослых? Совершают всякие глупости и заставляют их нервничать. Чаще всего назло это делают. Примерно, как ты своей выходкой. Чье внимание привлекаешь?

– Судя по твоим отметинам, на тебя так и не обратили внимания? – отвечаю вопросом на вопрос. – Или ты втянулся, а на тебя и твои глупости давно забили?

– Втянулся. И давно забили.

– Не думал, что однажды всё может закончиться очень печально? После твоей смерти вряд ли кто-то будет долго о тебе вспоминать. Ну кроме родителей и тех, кому ты был действительно дорог.

Таких людей, как правило, единицы.

– Ты пессимист, лори. Я не собираюсь умирать.

– Скорее реалист.

Убираю всё обратно в пакет. Эрик перехватывает меня

за руку и тянет на себя, валит на кровать, снова вжимая в матрац.

– Ты обещал...

– Вдох-выдох, лори, – перебивает он и проводит носом по моему подбородку. – Считай до десяти и вспоминай, что я говорил.

Эрик просто целует. Даже не пытается трогать никакие интимные местечки ниже пояса. К счастью. Потому что там действительно больно. Везунчик стягивает с меня платье и, откинув одеяло, указывает глазами на левую половину.

– Ты куда? – удивляюсь я, когда он встает с кровати и одевается.

– К девочкам на ресепшен. Темненькая приглянулась, – подмигивает Эрик и берет ключи от машины.

Хочется швырнуть в него чем-то, но вместо этого я демонстративно отворачиваюсь и накрываюсь одеялом. Пусть идет. Только сюда никого не приводит. Я устала и хочу побыть в тишине, возможно, действительно немного поспать. А утром вернусь домой.

6 глава

В сон я проваливаюсь почти сразу. Мысли вязкие, как желе, чувствую себя эмоционально опустошенной, еще и снится откровенная ерунда. Будто нахожусь посреди болота с лягушками и те громко голоса. Эти звуки безумно раздражают. Хочется бросить что-нибудь тяжелое в зеленых несмолкающих монстров. Ворочаюсь во сне и натыкаюсь на что-то твердое. Распахиваю глаза и смотрю перед собой, ничего не понимая. Требуется несколько секунд, чтобы осознать, где я и что произошло. Везунчик лежит рядом на животе и спит. Часы на тумбочке показывают пять утра. Я сажусь в кровати и морщусь от боли. Хоть подорожник прикладывай к промежности. Рядом с электронными часами замечаю обезболивающее и телефон Эрика, который стоит на зарядке. Выдергиваю кабель и подключаю к своему смартфону. Тихо проскальзываю в ванну и привожу себя в порядок. Жду ещё десять минут, чтобы сотовый чуть-чуть зарядился, и я смогла вызвать такси. Всё это время наблюдаю за спящим везунчиком, а потом совершаю наиглупейший поступок. Снимаю телефон с зарядки и делаю несколько фотографий с Эриком. Провожу рукой по его плечу, рядом с татуировкой. Он никак не реагирует. Крепко спит. Не знаю, во сколько вернулся этот ловелас и водил ли темненькую в соседний номер (а может, сразу двоих позвал, раз ему меня

не хватило), но от мысли, что горластыми лягушками из сна были стонущие девицы с ресепшена, на губах расплзается улыбка. Понятно тогда, почему я хотела их прибить.

В блистере с обезболивающим не хватает двух таблеток. У Эрика член заболел после ночных забав? Мне бы тоже не помешало закинуть в себя хотя бы одну, но решаю оставаться с чувством непривычного дискомфорта внизу. Чтобы не забывать о том, что натворила. Хотя маячащая на горизонте сто тридцать седьмая статья Уголовного кодекса нормально так отрезвляет.

На цыпочках я выхожу из номера и, вызвав такси через приложение, спускаюсь на первый этаж. В машине набираю сообщения брату и Жанне, что со мной всё хорошо, и снова выключаю телефон. Сейчас главное – добраться до пансионата, отработать смену и при этом не накосячить. Не представляю, как в таком состоянии я буду что-то делать, но нужно продержаться до вечера, а потом два выходных. Отосплюсь, сходим куда-нибудь с Жанной, возможно, съезжу за город и навещу могилку мамы. Давно у нее не была. Лишь бы не думать о том, что я сделала, потому что начинают накрывать отходники и нехорошее предчувствие забирается под кожу. Безумно боюсь гнева отца. Нет, он никогда не поднимал на меня руку, но и я до этого дня с такой отчаянностью не шла наперекор его воле. В жизни не совершила бы подобную глупость, если бы не его давление. Зачем он так со мной? Словно я инвестиция, а не жи-

вой человек. И мама бы никогда не допустила брака с Ибрагимовым, будь Иман хоть трижды полезен компании отца. Не понимаю, ради кого папа хочет сохранить полумертвую империю? Это амбиции? Азарт? Лучше бы завел себе женщину, родил с ней ребенка и направил силы и энергию на новую семью. Иногда закрадывается мысль, что я ему не родная. После смерти матери он ни разу не спросил, что у меня на душе, чего хочу. Как робот выполняет свои родительские функции – ни теплоты, ни нежности от него нет ни капли. Закрылся в себе, и не достучаться. Я не могу спокойно смотреть на страдания других людей, особенно близких. Разве отец не видит, что мне тоже больно? Иногда так хочется, чтобы пожалел или просто пришел, посидел рядом, как было когда-то, но он словно в бездушный камень превратился.

– Регина, ты сегодня рассеянная, – замечает Аля, когда я ее кормлю. – Что произошло?

Я уже второй месяц как в «ссылке». Работаю в небольшом частном пансионате для пожилых людей. Ухаживаю за стариками, которых дети не захотели к себе забирать. Ну или не могут осуществлять уход за больными родственниками. Разные бывают ситуации. Правда, чаще всего это отсутствие желания вваливать на свои плечи дополнительную ответственность, ну и еще безразличие. Не самое удачное место работы для моего чувствительного сердца. Отец знает, как сделать побольнее. Иногда я сильно злюсь на него, но даже в эти моменты, стоит только представить отца беспомощным и оди-

ноким, никому не нужным, как Аля или Семён Ильич, всё сжимается внутри и хочется его крепко обнять. Папа не знает, но я часто мечтаю о том, чтобы забраться к нему на колени, как в детстве, прижаться к груди и услышать хрипловатый шепот на ухо, как он любит меня.

– Ничего не произошло. Всё в порядке. – Ерзаю на стуле и невольно морщусь. Внутри снова странно царапает, когда вспоминаю об Эрике. – Я просто не выпалась.

Аля недоверчиво покачивает головой.

– Опять повздорили с отцом? Из-за жениха?

– Можно и так сказать.

На днях папа вернется из командировки и нас действительно ждет крупная ссора. О масштабах грядущего пиздеца не хочу даже думать, но, зная обычаи в семье Имана, можно смело готовиться к худшему. После того что я собираюсь сделать со своей репутацией, мне не быть желанной невестой, следовательно, и брака никакого не будет.

– Может, это и неплохо, Регина? Раньше замуж только так и выходили. Родители выбирали мужа для своей дочери, желая ей всего самого лучшего. Часто женились не по любви, а потом влюблялись и были счастливы.

– Ты тоже вышла замуж не по любви?

– По любви. Мы с Андреем душа в душу жили. Я рада, что пережила его и он не видит меня такой беспомощной и старой. Смотреть, как мучается любимый человек, серьезное испытание. Ему бы пришлось ежедневно за мной уха-

живать, а я ведь стала похожа на живую мумию. С подобным тяжело мириться, особенно с таким сложным характером, как у меня. Девочки мои правильно сделали, что определили меня в пансионат. Не хочу быть никому обузой.

Кати и Наташи не было несколько месяцев. Они редко приезжают, но исправно звонят. Ссылаются на занятость, что дети приболели – разные причины называют, почему не могут приехать. Аля дочкам квартиру отдала, как слегла, те ее продали, а мать в приют отправили. Но она всё равно каждой из дочерей улыбается, говорит ласковое слово, когда они ей звонят, заверяет, что всё у нее хорошо. Только после разговора смахивает морщинистой рукой слёзы и потом весь вечер печально смотрит в окно. Почему-то в эти мгновения мне всегда становится жаль не Алю, а Наташу с Катей.

– Стерпится – слюбится, – утешает Аля, хлопая меня по руке, а я грустно приподнимаю уголок губ.

У моего жениха влиятельная семья. Умершая жена Имана была его страстной любовью. У них осталась взрослая дочь. Примерно моего возраста. Иман не захочет, чтобы я подавала Эвелине дурной пример. Разве я не понимаю, зачем ему молодая здоровая невеста? Рожать наследников, которых Сара дать не смогла. Мысли о сексе снова напоминают про дискомфорт между ног. А о сексе с Иманом – так и вовсе вызывают неприятную дрожь. Не представляю, как ложиться в постель с мужчиной, который годится мне в отцы. Лучше остаться нищей голодранкой, чем вот так...

– Заканчивай обед и пойдем на прогулку. Погода сегодня шик! Семён Ильич уже, наверное, костылем всю листву у входа разгреб для твоей коляски.

Аля широко улыбается при упоминании нашего общего знакомого.

– К нему на днях сын приезжает, он в хорошем настроении, а значит, и мы два часа будем в таком же. Обожаю его шутки и рассказы, – посмеивается моя подопечная.

– Вот и замечательно.

Я поднимаюсь на ноги и забираю поднос. Зову Кирилла, чтобы помог усадить Алю в инвалидное кресло, накрываю ее ноги пледом, и мы спускаемся. Семён Ильич уже расхаживает с тростью у входа и действительно расчищает листочки. Обожаю этих стариков. От их искренних улыбок и ласковых слов, адресованных мне, сжимается сердце. Аля и Семён Ильич напоминают о дедушке и бабушке. Отец полагает, что наказывает меня ссылками в пансионат, но я с удовольствием провожу здесь время.

Медленно качу инвалидное кресло по аллее в парке. Мы редко в него ходим гулять, но сегодня тепло, а я хочу потянуть время до конца смены. Чувствую себя разбитой, ни на чём толком не могу сосредоточиться.

– Семён, что-то с нашей девочкой сегодня не то, скажи же? – спрашивает Аля.

– Скажи. Обычно эмоции льются через край, постоянно что-то бубнит. Приболела, дочка?

– Не выспалась, – удрученно вздыхаю я. – Гуляли с Жанной допоздна. В клубе.

– На столе пьяная танцевала? – серьезным голосом интересуется Семён Ильич.

Усмехаюсь, бросая на старика влюбленный взгляд.

– Или что похуже наворотила?

– Ничего плохого я не сделала.

Но собираюсь. И эти мысли не дают покоя. Изводят.

– Аленькая, ну потому и странная. Я бы тоже в ее возрасте переживал, если бы напился и ничего в итоге не учудил. Ты исправляйся, Регина, а то молодость одна. Потом жалеть будешь. – Семён Ильич трясет костылем и важно поджимает губы.

Обожаю его сарказм.

– Хорошо, Семён Ильич. В следующий раз обязательно выкину что-нибудь из ряда вон выходящее. А когда отец начнет с меня спрашивать, скажу, что это вы надоумили, – подыгрываю я.

– Я за любой кипиш, кроме голодовки. Кстати, про еду. Может, по шаурме, девочки? – Старик показывает рукой на ларек неподалеку, и мы с Алей, переглянувшись, утвердительно киваем.

В пансионат возвращаемся через два часа. Моя смена до шести. Когда я выхожу из здания, Пётр уже ждет в машине у входа.

– Две смены подряд, не много ли? – строго говорит он

вместо приветствия. – Бледная как моль. Отцу скажу, что в обморок упала от усталости. И ссылка вмиг закончится. Хочешь?

– Мне не в тягость здесь работать. Ты же знаешь, что мне нравится, – тихо отвечаю я.

– А мне казалось, что в частной клинике Ибрагимова – больше. Возможностей, чтобы реализовать свои навыки, там поболее, чем здесь старикам ложки в рот засовывать, правда?

Настроение снова катится вниз при упоминании об Имане. Я морально извела себя за день сомнениями: сливать видео и общее фото с везунчиком в сеть или нет. Всё переворачивается внутри от этой мысли. Я столько людей подставляю. Петю, который мне доверяет и с которого отец спросит по полной. Даню – потому что может всплыть информация о возобновившихся заездах. И даже Жанну – она ведь была со мной в клубе и не отговорила от опрометчивого шага. Возможно, и Эрика заденет, хотя я даже не знаю, кто этот мужчина и что он из себя представляет. Гадкая ситуация. Ненавижу слушать совесть. Она мешает нормально жить.

– Как поживают твои старики?

– Хорошо. – Трогаю пульсирующие виски.

– Отец послезавтра возвращается. С Ибрагимовым. – Пётр внимательно смотрит на меня через зеркало заднего вида. – Готова к помолвке?

– Петь, домой поехали. Я устала.

Подготовилась я хорошо, только сомнений куча. Нужно будет почитать перед сном комментарии к сто тридцать седьмой статье Уголовного кодекса.

Дома я включаю телефон и на него тут же приходит куча сообщений. Почти все о пропущенных звонках от Жанны. Два – от брата. Даня пишет, что наши отцы возвращаются из Стокгольма через два дня. Думала, у меня будет больше времени, чтобы хорошенько всё обдумать и на что-то решиться.

– Ну наконец-то! – облегченно вздыхает Жанна, когда я ее набираю. – Зачем выключать телефон? Я же извелась! Чуть с ума не сошла!

– Я написала сообщение, что всё хорошо и я буду весь день на работе.

– Написала она, – бурчит подруга. – Мне не терпится узнать, как всё прошло. Было?

– Угу, – неохотно отзываюсь я, трогая татуировку на запястье кончиком пальца.

– Да ладно? Эрик всё же... – Жанна осекается и часто дышит. – Не обманываешь?

В который раз за день вспоминаю сцену в душе: как везунчик держит меня за подбородок и прожигает темнотой глаз. По коже бегут мурашки, а от стыда за свою безрассудность хочется провалиться сквозь землю. Обычно я не такая отчаянная. Наверное, это всё аура везунчика. Действительно, душевыниматель.

– Офигеть... Значит, правда запал! А с компроматом что? Вхолостую или...

– С компроматом. Но не уверена, что хватит для общественного резонанса. Ты не знаешь, куда Вадик пропал? Не могу до него дозвониться второй день.

– Прячется он. С бабой Бахметьева сошелся, а Игорёша, как узнал, пообещал обоих прикопать, когда найдет. Я сейчас его новый номер скину. Рин... – В трубке ненадолго повисает пауза и слышится треск. – А хочешь, приеду к тебе? – предлагает Жанна.

– Нет. Спать хочу. Весь день на ногах. Давай завтра.

– Ну хорошо. Последний вопрос, и пойдешь отдыхать: скажи, понравилось или нет? – шепотом спрашивает она.

– Нет, – невесело хмыкаю я. – Что там может понравиться?

Даже самой себе не хочу признаваться в том, что понравилось. И лучше бы, конечно, было наоборот. Обошлось бы тогда без угрызений совести. Ещё и стрелочки эти... Останутся напоминанием о пережитом шторме и гнев отца. Шумиха со временем уляжется, я окончу институт и займусь карьерой. Если по сто тридцать седьмой – отделаюсь штрафом, а не сроком. Но надеюсь, до этого не дойдет.

7 глава

Я сбилась со счёта, в какой раз пересматриваю видео с Эриком и его падение с высоты. Ужасное зрелище. Он действительно везунчик, что остался жив и ходит после такого на своих ногах, а не перемещается с помощью инвалидной коляски. Снова нажимаю на кнопку «Воспроизвести» и вижу лицо девушки, снимающей видео. Она бодро и весело комментирует действия участников. У них что-то вроде тренировки, похоже, обучают новичков. Я ничего в этом не смыслю и запрещаю себе открывать гугл, углубляться в изучение темы. Ирина, так зовут девушку за кадром, показывает группу из семи человек. Все в приподнятом настроении, шутят. На Эрике черная бандана и такого же цвета толстовка. Похож на разбойника – возможно, такие ассоциации из-за наклейки в виде черепа на рукаве, и ещё он всё время щурит правый глаз на солнце. Красивый такой. Настоящий пират. Мальчика, который с ним в связке, везунчик называет Яном. В какой-то момент молодой парнишка совершает ошибку. Оступается и летит вниз. Эрик изо всех сил пытается его удержать, упирается ногами в камень и почти вытаскивает, но в последнее мгновение не выдерживает нагрузки, нога соскальзывает, и он летит вниз. Чтобы не утащить за собой парнишку, который добрался до верха, Эрик отстегивает защиту. Всё происходит слишком быстро. Везунчик

молниеносно решается на опрометчивый шаг. За доли секунд. От увиденного я не могу прийти в себя. В комментариях много отметившихся. Одни говорят, что Эрику повезло, потому что это склон для новичков, другие, как я, считают, что он родился в рубашке, но есть и такие, которые вызывают неконтролируемую злость. Они осуждают, ругают, пишут оскорбления и тупо хамят. Неужели, чтобы сказать приятные слова, нужен определенный уровень интеллекта? Эрик не сделал ничего предосудительного, пытался вытащить парня, который допустил ошибку. Разве это достойно порицания?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.